

Проза

Анатолий Андреев

Анатолий Николаевич Андреев – родился в 1958 году в г. Североуральске Свердловской области (Россия). Литературовед, культуролог. Член Союза писателей России, Союза писателей Беларуси. Доктор филологических наук, профессор. Автор 310 научных публикаций, в том числе учебника «Теория литературы», монографий «Персоноцентризм в классической русской литературе XIX в.», «Философия литературы. А. С. Пушкин», «Основы теории литературно-художественного творчества», «Психика и сознание: два языка культуры», научно-популярной книги «Зачем нужны умные люди?» и др. Автор 14 опубликованных романов («Лёгкий мужской роман», «Маргинал», «Для кого восходит Солнце?», «Халатов и Лилька», «Срединная территория», «Игра в игру», «Всего лишь зеркало...», «Отчуждение», «Авто, био, граф и Я» и др.), книги рассказов «За буйки», книги повестей «Вселенная не место для печали», книги стихов «Сквозь Млечный Путь – железная дорога», сборника пьес «Главные слова для любимой женщины».

Живёт в Москве. В настоящее время профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ).

ФРАГМЕНТ

Трагедия

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне в руки попала рукопись трагедии «Фрагмент» от Марк-off.

Что тут удивительного? Во-первых, мне, писателю, достаточно часто присылают рукописи – для того, чтобы я с ними зачем-то ознакомился. Хороших рукописей почти нет, плохих же настолько много, что «рукопись» и «плохая рукопись» стали для меня почти синонимами.

Я бы и вовсе не читал рукописей, если бы не одно обстоятельство (а это уже во-вторых). Интересная, достойная внимания литература, по моему глубокому убеждению, существует сегодня исключительно в рукописях, ибо почти всё, что опубликовано, читать либо скучно, либо вредно, либо невозможно. Хорошая литература существует, но она по какой-то причине не издаётся.

Вот почему чтение рукописей – поиски крупиц золота в тоннах руды – я воспринимаю как протест против засилья плохой литературы. Наличие золотых крупиц доказывает, во-первых, что литература жива, а во-вторых, что руда – это не литература.

Я нахожу в этом странном занятии своеобразное утешение или, как говаривали в старину, катарсис.

Протест – это моё служение. Я служу. Чему? Если надо объяснять – значит, не надо объяснять.

Рукопись трагедии «Фрагмент» я воспринимаю как фрагмент обширной рукописи, возможно, уже утраченной (а возможно, ещё не завершённой), и этот фрагмент, по-моему, привлекателен тем, что пытается воссоздать *фрагмент бытия*. Попробуйте сотворить такой фрагмент жизни, по которому можно было бы судить о бытии человека в целом. Попробуйте.

Попытка превратится в пытку. И вы поймёте, что золотые крупички – это всегда попытка уловить и зафиксировать фрагмент бытия, взятого во всей его полноте.

Я могу ошибаться, конечно, но моё убеждение в том, что перед нами, во-первых, фрагмент рукописи, а во-вторых, рукописи, сумевшей отразить фрагмент бытия, дало мне право настаивать на публикации трагедии «Фрагмент».

Автор трагедии, пожелавший укрыться за анонимным знаком Евгений Марк-off, в свою очередь имеет полное право на литературную мистификацию. Только вот зачем?

Может быть, автор не верит, что всё тайное обречено стать явным?

А. Н. Андреев

Евгений Марк-офф

ФРАГМЕНТ

ТРАГЕДИЯ

*Ой, вы, гости-господа,
Вы откуда? И куда?*

1

Юрка Мышелóв, с незапамятных времён получивший отчего-то прозвище Мышь (вопреки своей редкостно грозной для грызунов фамилии), перелез через белёный дувал – и оказался «по ту сторону добра и зла», как он сам это называл про себя. Из Гипербореи – куда-то в будущее.

Теперь он шагал по Невскому проспекту, пытаясь представить себя жителем Империи. Ничего не получалось, несмотря на внушительную конную статую Петра Великого (сейчас она уже была слева по борту), а также набережный гранит, где каменных глыб было уложено больше, чем во всех египетских пирамидах вместе взятых (не чудо света, нет?). Конечно, декорации были славными, всё древнегреческое, античное, наше родное; спору нет. Однако смущало вот это, опять же, древнепредревнегреческое ощущение: сильные мира сего где-то, несомненно, присутствуют, сидят и правят, суки. Их существование никто не подвергает сомнению. Без них, как бы лидеров, даже скучно. А ты, слабый мира сего, свободно шагаешь по проспекту, возведённому словно специально для тебя лучшими зодчими мира, вдыхаешь морской воздух, свободно перемещаемый, нахватавшийся заморских ароматов (местный смрадик цивилизации не в счёт), – ты идёшь, стирая все и всяческие границы, ты дефилируешь, прокладывая границы новые, дотоле неведомые и несуществующие, продвигаешься ты вперёд и чувствуешь: где-то вы, суки, просчитались. Без торжества чувствуешь. Без победных интонаций и эскапад. Скорее, с детским удивлением: если вы такие сильные – почему я такой свободный?

Почему мне в принципе всего хватает? А вам всегда всего – мало?

Тут по плечу меня задевает не прохожий вовсе и не пролётный какой-нибудь фуфел, а некий Знак Свыше, порхающий где захочет:

- Привет, Юркий! Как тебя занесло в наши эмпирей?
- Почему это в ваши? С каких это пор ты приписан к Лондону?
- А я не из Лондона с тобой общаюсь.
- Откуда же тогда? Вот Трафальгарская площадь, прямо по курсу... Ты не здесь, что ли?
- Откуда, откуда... Из столицы мира.
- И где у нас нынче столица?

– Где, где... Вот сразу вопросы в лоб. Ребром. В кость. Не в бровь – а в глаз. Зачем так грубо и неадекватно? Не люблю я эту безапелляционность. Неизящно это как-то всё. Да не приписан я, не приписан ни к чему. Расслабься. Хотя... Ты и так подозрительно расслаблен. С чего бы это?

– Ох, Знак, вездесущий ты наш... Ничего, понимаешь, не ускользнёт от взора твоего, наглого для всех. Ну, ничего. Буквально.

- Да, я такой. Какие новости?
- Да так. Гуляю.
- Ну, гуляй, пока гуляется. Заходи, если что.
- Ага. Само собой. Мне – туда. А тебе?
- В противоположную сторону, естественно.
- Значит, до встречи. Сойдёмся. Рано или поздно.

«Естественно»... Тот факт, что Знак сам по себе был явлением противоестественным, его совершенно не смущал. Ну, наглый. До безобразия.

А за дувалом мы играли в футбол. Раньше эта территория называлась Арктида или Гиперборея, сейчас называется... по-разному сейчас называется. Вот на этой территории мы и играли. Чаше выигрывали. Но бывало всякое.

Как бы то ни было, но победителей и у нас не судили.

Елена Прекрасная появилась ниоткуда, но в нужное время в нужной точке пространства. Сейчас даже не вспомнить, где именно это произошло.

Цвела и благоухала сакура, рядом панорамно громоздились горы и расстилались долины. Жужжали жуки. Душа была подготовлена к явлению праздничного чуда – собственно, предчувствовала его.

Любовь не стала для Мышелова неожиданностью; она стала для него потрясением и испытанием. Дело в том, что он ожидал появления в своей жизни константы (р-раз – и навсегда-с), твёрдого и благородного начала, которое было, несомненно, производно от понятия вечность и которое как-то связало бы Юрку с этой самой фундаментальной вечностью. Он был готов к бессмертию, к перевоплощению, к трансформации, к переходу в иные измерения, миры – к чему-то такому, чего в жизни обычной, в жизни без любви не бывает. Он готовился к любви не как к большому человеческому приключению, а как к постижению мира и собственной сущности.

Юрка был романтик, конечно.

Но любовь страшно удивила его, окрылив, наполнив восторгом и приземлив одновременно. Любовь оказалась не константой – а летучим соединением компонентов, которые надо было всякий раз добывать заново. И рецепт соединения-коктейля никогда не повторялся, всё время менялся.

Колдовство, волшебство, чародейство – вот из какой области оказалась любовь: из эфемерных материй, но реальней всего реального. С любовью можно было жить долго, но каждую секунду казалось, что она уже улетучилась и не вернётся никогда. Никогда! В этом «никогда» всегда жило отчаяние, таился плотный сгусток боли, похожий на маленькую точку-тучку, которая могла в мгновение ока принять размеры урагана, тайфуна и опустошить вселенную под именем Мышелов. Вот эта «тёмная» сторона чувства была неотделима от самого чувства, от пиковых его, светлых проявлений.

Он искал золото – а нашёл бериллий, если выразаться химическими метафорами.

Оказалось, что любовь живёт крохотные секунды – мгновения, по меркам вечности. Влажный век её исчислялся от мига к мигу, от точки к точке, от слезинки к слезинке, и непонятно было, складываются ли эти точки в какой-нибудь узор или нет. И всегда казалось, что последний по времени миг был окончательно последний. И следующий миг приходил как новая любовь.

Но гарантий постоянного блаженства не было; были гарантии постоянства неопределённости и муки как предчувствия блаженства.

При этом сама любовь была, любовь как таковая, со всей своей чудовищной косматой и космической природой – вот что оказалось самым удивительным!

Представления людей о любви и реальность любви потрясающе не совпадали. Это стало настоящим открытием. Все только об этом и говорят – и никто слова толкового не сказал. Не чудо, нет?

Стоило ли искать любовь, если она не золото, а бериллий?

Сложный вопрос.

Стоило, наверно, – если без неё никак.

Странно, но всё это Юрка постиг в одно мгновение – как только увидел Елену Прекрасную в обрамлении сакуры. Ещё не зная любви, он вдруг узнал о ней всё. Отказаться от пронзительного сакрального знания не представлялось возможным, ибо оно являло собой не дар, который можно было принять или отвергнуть, а повеление судьбы.

И это Мышелов понял сразу.

Он просто подошёл к ней, взял за руку, заглянул в её синие глаза и – провалился в вещество вечности, состоящее из бесконечных мгновений-точек.

Вопроса о том, любит ли она его, просто не возникало. И это никогда не казалось Юрке странным; напротив, казалось естественным. Чудесным.

Вот что было странным.

– И где сейчас твоя Прекрасная? – спросил Знак, усаживаясь поудобнее на Точке, силуэтом напоминающей Арарат (или всё-таки Фудзи? или всё же Монблан?).

– Ждёт меня, – ответил Мышелов, прогуливаясь по Калининграду, из которого местами выпирал Кёнигсберг.

- Я спрашиваю «где», я не спрашиваю «что она делает». Ты меня не понял.
- Это ты меня не понял: она меня ждёт.
- Где?
- Ждёт.
- Это диалог слепого с глухим?
- Это пересечение разных точек отсчёта.
- Ладно. Как скажешь. Мне велено передать тебе одно сообщение.
- Передавай.
- Оно начинается так: «Нам всегда известно, где находится Прекрасная». Понимаешь?
- Кому это – «нам»?
- Ну, вот опять – ребром, опять в глаз, опять око за око. Убери иголки, легионер, не щетинься. Не изображай железного ежа.
- Я уточняю. Без этого мне трудно понять смысл сообщения.
- Смысл прост: ты гуляешь не в том направлении.
- Гуляю, где хочу. Хожу тропами Канта. Что не так?
- Это я гуляю, где хочу. Сижу, где хочу. А ты... Ты нарушаешь правила игры. Вспомни теперь начало сообщения. Вникаешь?
- Я у вас на карандаше?
- Не лсти себе. Ты в чёрном списке. В двух шагах от гильотины, фигурально выражаясь. Я имею в виду механизм аннигиляции. Ты меня понял.
- И что я такого сделал?
- Боже, какой глупый вопрос! Ты не делаешь того, что должен делать – вот в чём проблема.
- Жить под одним звёздным небом с Кантом – это преступление?
- Преступление или нет – зависит от точки отсчёта. Координаты абсолюта – у нас. А точки отсчёта подвижны. Мы всегда оповещаем любопытных странников об очередном смещении точек зрения. Ты слишком много на себя берёшь. Только не задавай вопросов в лоб! Это расценивается как неповиновение, совершаемое с особой дерзостью. Кстати, заканчивается сообщение так: «Иначе пожалеешь». Получите, распишитесь.
- Знак исчез вместе со своей Точкой.
- Есть в Зеленоградске-Кранце (рядом с Калининградом-Кёнигсбергом) одно местечко, одно кафе, одна точка: ты сидишь за столиком, смотришь на море, пьёшь вино, ничего особенного – но Знак почему-то тебя там не видит. Что его ужасно нервнрует. «Опять укрылся в своей Гиперборее», – бормочет он с угрозой в голосе.
- Я иду туда открыто, не таясь. Усаживаюсь за столик поудобней, заказываю вино. Начинаю ждать Елену Прекрасную. Она придёт, я не сомневаюсь. Но на всякий случай жду изо всех сил.
- Прекрасная – это фамилия, как вы поняли.
- Но пришла не Прекрасная, явился Ч. Снежный. Откуда он явился?
- Спустился с Горы, естественно, откуда же ещё.
- Тебе привет от Русского, – вместо приветствия брякнул он.
- От Канта?! Боже мой, сто лет его не видел! Как он там жив-здоров?
- Потихоньку. Скорее, жив, – уклончиво ответил Снежный.
- Где он?
- Книгу пишет, – был ответ.
- С видом на Арарат?
- Снежный неопределённо пожал плечами.
- Прекрасная не придёт, – неожиданно сказал он. – Её отпустят, если получат рукопись книги Русского «Космический Ковчег».
- Русский – это фамилия, как вы поняли. А также судьба; но это так, между прочим.
- Мышелов мгновенно всё постиг и оценил ситуацию: он давно предчувствовал нечто подобное.
- Мышеловка.
- Эту рукопись должен доставить я, правильно?
- От тебя ждут действий, – равнодушно подтвердил Снежный.
- Ты уже действуешь?

- У меня жена, дети. Что толку сопротивляться? Это бессмысленно. Сила на их стороне.
- А правда?
- Правда всегда на стороне силы.
- И ты, Снежный, подцепил рак головного мозга. И тебя облучили СМИ окаянные. Ты сказал мне всё, что хотел? Твоя миссия окончена?

Вместо ответа он протянул мне кожаный футбольный мяч, тот самый мяч, которым мы играли за дувалом, по ту сторону зла.

На стороне добра, иначе говоря.

Это означало: Снежный вышел из игры.

КОСМИЧЕСКИЙ КОВЧЕГ

Глава 1. Вначале была мысль

Вначале было озарение, которое Мауссею угодно было принять за мысль. Потом пришло сомнение: не было ли это знамением?

Корабль! Космический корабль! Гениально и просто. Мы отправимся на Марс. Земляне, то есть сто народов, населяющих Землю, давно и прочно уверовали в чушь (которая после промывки мозгов на протяжении ста лет становится-таки истиной, хвала глупости!): Главная Страна отправила корабль на Марс, и там высадились люди. Всем была показана убедительная картинка (масса фотографий с Марса). Кто-то верит, кто-то сомневается. Какая разница. Однако мощь Главной Страны после этого уже никто не оспаривал. Проект «полёт на Марс» просто прибил всех землян.

Страна № 1 из лидера неформального превратилась в лидера тотального. Почему?

Да потому что Страна № 17 и, отчасти, Страна № 2 прекрасно понимали, что всё это чушь и сказки; но ещё больше они понимали то, что никогда и никому ничего не докажут. Картинка (миф) окончательно заменила реальную жизнь. Как это случилось?

О, проще простого. Все СМИ – наши. Все массмедиа – наши. Историю людей пишем мы. Люди и народы видят только то, что им показывают. А показывают им то, что заказываем мы. А заказываем мы – всегда и только – Библейский проект. «А что такое Биб...» И не спрашивайте. Это очень древняя история. О ней помнят только те, кому положено.

Почему нам всё удаётся?

Потому что все деньги мира – наши. Все деньги мира – это наше всё. Следовательно, правила игры в экономике тоже писаны нами. Все правила. Мы зажигаем и гасим «звёзды» поп-индустрии и спорта, науки и искусства, литературы и политики. Чего ещё? Философии, само собой. Религии (это прежде всего, понятно). Короче – *всего*. Если звёзды зажигают – значит, это кому-нибудь нужно?

Да, нужно: нам нужно. Звёзды – это способ ментального контроля и рассадник душевной заразы. Все любят звёзды, звёзды обожают всех, дары приносящих. С некоторых пор любимым словом Мауссея стало короткое, но ёмкое слово ВСЁ. Вопреки всем правилам грамматики однокоренное слову ВЕЧНОСТЬ.

Там, где *всё* (вечность), там, казалось бы, должна воцариться скука. Но с миллиардами овец пастьям скучать некогда. Управлять сотней гордых, свободолюбивых и о-очень глупых народов – одно удовольствие. Великая Шахматная Игра для весьма и весьма избранных. Гео-Политика. Вот где дозы адреналинчика! Столкнул баранов лбами – хрясь, только искры из глаз. Первая Мировая, Вторая, какая там ещё... Прелесть!

Уже несколько столетий у этих «гордых» перед носом болтается вожделенная морковка на верёвочке. Казалось бы, чего проще: подними голову – и увидишь Того, Кто манипулирует морковкой, по-доброму улыбаясь. Куда там! Даже в голову не придёт поднять голову. Вперились в жратву глазами завидушими – и баста! А сегодня эффект морковки не разгадают даже яйцеголовые: верёвочка давно и надёжно сокрыта от глаз, а разоблачить Хозяина фокуса безнадежная вещь, пустая затея. Иллюзион!

Есть, конечно, умники, когда и где их недоставало. Некоторые из них никак не могут забыть про свою Гиперборею. Они трактуют историю на свой лад. Но что такое история без массмедиа? Маргинальное зловредное ворчание. Мы навесили на этих умников (они у нас переписаны поштучно)

ублюдочный ярлык *конспирологи*. Подняли на смех. Влезть в секту *конспирологов* без ущерба для репутации невозможно; репутационный имидж разработали, конечно, мы, кто же ещё. Разумеется, с нашей подачи «учёные мужи» твердят о «веками складывавшихся нравах» и о прочем древнем вздоре. «Веками сложившееся» вековечное мы за несколько лет (примерно за жизнь одного поколения) выкорчевали играючи. С помощью картинок. Анимация!

Сегодня морковку заменяют картинки – на любой вкус и цвет! Кто не верит в картинки – тот «дурак», а кто верит – тот «умный, всё схватывающий на лету». Прелесть!

Проблема управления стадами стала делом техники.

Управлять, манипулировать, разделять, властвовать! Царствовать! Владычествовать! Господствовать! Цыц, бараны!

Некоторые сложности пришли оттуда, откуда их не ждали. «Гордые и свободолюбивые» стали активно плодиться и размножаться. И дело не в количестве овец. Количество уже давно не проблема. Но вот количество, перешедшее в качество, имя которому *количество*, – это несколько иное.

Регулировать численность не получается, если коротко и просто. Те, у кого получилось размножаться особенно активно и быстро и кто при этом обладает немалой территорией, вдруг возомнили себя «великими». Стали глухо роптать, косо поглядывать на «малых», но истинно великих. Спросили бы у меня, на чьей территории наглеют эти зарвавшиеся «великие». Ответ бы им не понравился. Однозначно.

Настало время преподавать урок «великим». Инструмент политических и, следовательно, демографических процессов – войны, это мы хорошо усвоили. Но войны в последнее время перестали давать нужные результаты. Тогда мы изменили функции и суть войн. Сейчас по всей планете бушуют войны: традиционные, с применением летального оружия последнего поколения (в том числе ядерного, да-да, не сомневайтесь); информационные (подвидов которых не счесть, например: идеологические, в том числе религиозно-этнические (они же братоубийственные)); отдельной строкой идут войны климатические, биологические, космические, технологические.

Строго говоря, современные войны носят гибридный характер; мы умело, если не гениально, сочетаем разные виды войн, точно акцентируя разновидность, нужную нам здесь и сейчас. Ещё бы! На нас работают мощные Аналитические Центры – в том числе центры наших врагов. Всё под контролем.

Война! Это священное для нас слово. Мы всегда работали и работаем на войну. Кому война, а кому мать родна, как метко выражаются наши недруги (которые, впрочем, по совместительству являются нашими щедрыми друзьями-донорами, жаловаться грех; ergo: пусть выражаются, мы их выражения берём на вооружение). В нашем языке слово *мир* означает *вечное состояние войны, слава Высшим силам; апокалипсис* мы трактуем исключительно как *армагеддон*; понятие *мир без войны* в нашем языке и сознании не представлено, чаще всего оно трактуется как понятие *катастрофа*. Почему?

А потому что кто бы ни победил – всегда побеждаем мы. Непонятно?

Мы развязываем войну, мы воюем на всех фронтах и баррикадах (за всех и одновременно против всех; война всех против всех – это наше последнее из величайших ноу-хау); строго говоря, мы стравливаем самых сильных на данный момент кровавой истории человечества противников, как откормленных и истекающих лютой злобой бульдогов. Победа любого из этих подопытных псов – наше счастье. Доблестно воюя за себя, они воюют за нас, сами того не ведая. В конце концов, до них начинает что-то доходить (ничто так не учит, как война, бедствия и изгнание: мы знаем это по своей истории – по своей *специально изготовленной истории*, я хотел сказать), однако изменить они ничего уже не могут. Война заканчивается, противники измотаны и обессилены на десятки, а то и сотни лет вперёд. Кто-то из последних сил празднует Победу, кто-то зализывает последствия поражения. На здоровье. Но всегда есть невидимая сторона, которая извлекает из этой истории баснословные выгоды. Чем кровопролитнее и безжалостнее война – тем жирнее бонусы.

И эта сторона – Мы. Все эфиры мира залеплены картинками-морковками, имя Наше нельзя упоминать всуе (ибо следуют болезненные экономические санкции). Кто Победитель? Мы. Кто жертва? Вы.

Кстати, есть такой роман «Мы». Не наш писатель, какой-то безобидно-гениальный. Откуда-то из Эрэфии. С севера, что ли. Там таких тьмы и тьмы. Никак не угомонятся. Таких мы не берём в будущее. Так вот, название правильное, и роман неплохой, но ирония в том, что это роман *о вас*. Точнее было бы назвать его «Вы». Романа «Мы», который был бы о нас, не существует. И конечно,

не будет существовать. Ибо это будет не роман уже, а тонкая многопрофильная операция в информационной войне. Кто ж позволит провести такую операцию, если не мы? Следовательно, если подобный роман появится с позволения нашей цензуры (аналитические центры не дремлют), то роман «Мы» будет уже не роман, а Роман-Морковка, превращающийся на глазах изумлённой публики в Роман-Дубину.

Эх, дубинушка, ухнем?

По мозгам из аналитических центров, прямой наводкой, повзводно, поротно, прилюдно и лай – пли, вашу мать!

Мы, наследники способностей Протея, есть ядро Земли, Гео, для отвода глаз покрытое лесами, горами и морями. А также ледниками. Никому и никогда до ядра не докопаться. Ядро древнее, но уже в современной нано-оболочке. Сто степеней защиты. На случай Глобальной Войны.

При всём том, что, казалось бы, давно пора забыть слово мир, большинство землян убеждены, что на планете тишь да гладь да Божья благодать. Покажешь им нужную картинку – и они думают, что царит мир и спокойствие. Кое-где зачищают террористов, постреливают, «наши» мочат «врагов», но в общем и целом – мир на планете Земля. Которым надо дорожить. На самом деле очередная мировая война – Гибридная IV поколения Красного уровня тревоги – идёт вовсю. В очередной раз назначаем врагом Страну № 17, несчастную Эрэфию, – и все *вы* (в том числе воспитанное нами «свободолюбивое» большинство и в самой благодатной Анатолийской Стране) ждёте не дождётесь, когда враг будет уничтожен. Аж слюни пускаете. Гордые, свободолюбивые и слюнообильные, а как же.

Но сплотиться мы вам не дадим. Не дождётесь. Идею войны (в идеале – гражданской войны, конечно), словно занозу, мы вгоняем в самое сердце нации. Под хруст морковок. И бой барабанов.

Мы научились картинками заслонять даже мировые войны (которые давно уже бесшумны, а также без вкуса и без запаха). Но войны перестали давать нужные результаты. Даже войны!

Поэтому...

Видите ли, у нас нет выбора. Решать проблему надо. И если есть только одно средство, значит, это и есть наш выбор. Так было всегда. Этому научил нас *реальный* исторический опыт. Многочисленные и хлопотные войны привели к идее одной, зато геоапокалиптической и молниеносной войны. И мы подготовили Глобальный Блицкриг, как нам нравится называть эту аферу тысячелетия. Которая будет венчать наш *Библейский проект*.

Суть ГБ как проекта в следующем.

Корабль. Космический корабль «Ковчег». Гениально и просто. Представим себе, что наступили благословенные допотопные времена. Мы отправимся на Марс – по версии, которая будет растиражирована в картинках. На самом деле Марс нам не нужен, да и недоступен пока Марс. Это блеф для миллиардов. Миф для овец. Блефотина. Мы просто покинем Землю. На время. В это самое время на Земле случится ГБ. Бойня. *Испытание*, если угодно. Агрессором выступит, само собой, Эрэфия Анатолийская, та самая северная Страна № 17. Это вариант А.

Вариант Б – на Землю якобы нападут инопланетяне, зря, что ли, столько о них говорим в последнее время – зря, что ли, тратим информационные ресурсы. И деньги.

Технологии обеззараживания среды (земли, воды и воздуха) созданы и отработаны (ради этого была «проведена» серия дорогостоящих войн, неоправданно дорогостоящих, если бы не так необходимые нам технологии). Технологически мы готовы к новой цивилизации, к Цивилизации Неба, ибо цивилизация Моря и цивилизация Суши будут стёрты с лица Гео как стартовые и изжившие себя проекты. Все очаги сопротивления подавлены. После космического круиза мы вернёмся на Землю обетованную (в самом необозримом смысле этого слова, в самом беспредельно широком). На Землю чистую. Обеззараженную. Восхитительно пустую. На которую ещё не ступала нога нового человека. И первым новым стану я, Мауссей. Из «Ковчega». И не надо переписывать историю; надо её дописать.

Проект запущен. Верховным Главнокомандующим буду Я, Координатором Проекта – Марк, моё доверенное и проверенное лицо. Приказы будут «от Марка», хотя визировать их буду я.

По человечески – вас жалко. Эта война, строго говоря, не направлена против Эрэфии, осколка – ах ты, Боже ж мой! – древнейшей Гипербореи. Древнейшей ли, Гипербореи ли – это дело вкуса. И терминологии. Наши цели, как всегда, многоплановы. Эрэфия просто попадёт под каток истории, будет раздавлена, так сказать, по ходу дела. Ничего личного. Хотя нет, врать не стану: *личный мотивчик* в данном случае присутствует. Но главная цель – убрать лишние, то есть мешающие нам, проблемные

миллиарды овец с лица Земли-матушки. Зачем столько сытых и довольных жизнью смертных? Кому они нужны? Вы становитесь обременительны для нас.

По-человечески вас жалко. Но если посмотреть с Божественной точки зрения... Это всего лишь акция Великого очищения.

Мы, избранные, решим проблему *количества*. Решим радикально и навсегда. Количество перейдёт в *качество*. «Великих» поставим на заслуженное ими нижнее место, «малых» вознесём и сделаем истинно великими. Расставим всё по своим местам. Сильные мира сего покажут всем свою силу. Слабые обнаружат свою слабость. Кое-кому такая постановка вопроса может показаться нацистским или – спаси и сохрани! – фашистским проектом. Ой, не могу... Извините мне смех мой дерзкий. Не могу слышать это слово без смеха. Фашизм, говорите? Это дело вкуса и терминологии. Мы реализуем свою миссию избранничества, если так понятнее. Ибо мы победили. Давно. И сейчас всего только закрепляем свою победу. Тайное становится явным, проще говоря.

А победителей судят. Обсуждают. Сплетничают за глаза. Вот и судите сами: кто-то должен был победить, ибо в этом мире кто силён – тот и прав. Это не мы придумали; это от Бога. А мы – Богопослушны. Законопослушны. Дисциплинированы. Собственно, потому и победили.

Почему мы замутили Блицкриг именно сейчас?

Видите ли, настало Время. Пора открыть глаза на положение вещей. Пришла пора апокалипсиса, если по-вашему. Кто так решил?

Мы. Но Мы реализуем Высшую волю. Нам, именно Нам и никому другому, доверено реализовать эту волю как Библейский проект. Об этом говорит вся мировая история. Вся. Говорит тем, кто умеет слушать, разумеется.

Хочется упрекнуть нас в кровожадности и коварстве?

Пожалуйста. *Имеете право* (или *право имеете*: кому как нравится). Ох, о вашем *праве иметь право* я готов прочитать целую лекцию. Что такое ваше право – на жизнь, образование, достоинство, что там ещё из *гуманного*? На свободу мысли, свободу слова, семью, беззаботное детство. Ничего не забыл?

Ах, да, чуть не упустил: на счастье.

Ваше право – морковка. Маркоффы. Большая и сочная с виду. Я от имени Мы выразился ясно? Для умных достаточно (только где их взять, заметим в скобках).

Но мы не кровожадны. Мы рациональны. Мы умны. Что касается коварства, беспринципности, лицемерия, двойной бухгалтерии и прочей сентиментальной чуши...

Видите ли, мы первыми догадались, что победа достигается любой ценой. Для нас ключевое, сакральное слово – *любой*. Для всех остальных – *Победа*. Цена для вас имеет значение, и вы за ценой не стоите (в этом месте я аплодирую: так сказать, историческое bravo храбрым сим); но понятие *любой цены* ваше сознание не приемлет. Для вас есть *сакральная черта*, за которой победа превращается в поражение.

Для нас же Победа всегда означала Победу, а поражение мы рассматривали всего лишь как ступеньку на пути к Победе. Вы боитесь поражения, мы – нет, ибо в ментальности нашей нет даже идеи поражения.

И Бог это оценил. Вот с чего началась наша Победа. Вначале была мысль. Беспринципность (NB семижды семи раз: беспринципность *по отношению к вам!*) стала нашим Принципом. Законом. Верой.

Скажете, мы считаем себя умнее других?

Вы ошибаетесь. Мы не просто умнее. Мы вобрали в себя ум Земли. Юг поглотил Север. Мы не просто умнее других; мы научились свободный и гениальный ум других ставить на службу себе и во вред тем, кто этим гениальным умом обладает. Мы распоряжаемся умом как планетарным ресурсом. Мы – ум над умом. Геоум.

Спросите, как нам это удалось?

О, это, опять же, долгая история, сравнимая с историей целого великого народа. Технологии, технологии, информационные технологии. Мы искушены были в этих технологиях уже тогда, когда ещё и слова такого «технология» не знали. Но мы хорошо усвоили отлично зарекомендовавшие себя принципы *разделяй и властвуй* (*sic!*), *подтолкни падающего, око за око*. Всё это сложилось в главный Принцип-Закон: сначала думай о Нас, потом о своей семье – а потом обо всех остальных как об ис-

точнике Нашего благополучия. Поделись морковкой со своим ближним – чтобы он был сочнее, когда пойдёт на корм. Это святое.

Так началась нескончаемая Великая Информационная Война.

Станете искать виноватых в развязывании этой Войны?

Кто виноват? – кажется, в такой плоскости вы любите ставить бессмысленные вопросы?

Не тыкайте пальчиком – как раз попадёте в Небо. Всё это – *Суэта сует*.

Война началась – вот в чём правда жизни. И вы – увы! – проиграли. Ещё в тот момент, когда Война только началась. Ибо вы воевали за свою родину, а мы – за Родину как за Принцип. Нужны доказательства вашего Поражения?

Внимательно посмотрите на историю людей. Уберите оттуда морковный гарнир. Вглядитесь в суть вещей. Есть ещё вопросы?

Вы живёте в Матрице, правила жизни-игры в которой контролируем Мы. Вы все работаете на нас, все и в любой сфере, хотя вам кажется, что вы независимы, горды и свободолюбивы... Ваше будущее уже куплено, прошлое – выкуплено, настоящее – заплачено. Вы – расходный материал. Мы – те, кто пускает вас в расход. Улавливаете разницу? Нет?

А между тем она существует, ухаха. Тонкий английский юмор, пардон за мой французский. С испанским акцентом, само собой. На русский лад, разумеется. А лающий немецкий прононс нынче не в чести – ну, эта Страна № 13 уже не в счёт. Она на свалке истории. Ибо арии сии – ох, здесь опять смех душит меня! – поторопились вырваться в лидеры. Ефрейтор сунулся поперёк Батки в пекло. Поторопившийся да обломается. Кто подставил германских «арийцев»?

Тот же, кто уничтожил настоящий арийско-гиперборейский вопрос. Который был нам как кость в горле.

Так говорю я, нынешний Мауссей. И я могу говорить долго, долго, долго, но позволю себе краткости ради «проговориться», открыть главный наш секрет (пришло время играть открытыми картами – пришло Время сильных): смотрите на наши дела. Улавливаете?

Ищите луну в небе, а не в пруду.

Смотрите не на морковку, а на то, от чего она отвлекает.

Зрите в корень.

К чему слова? Словами мы переиграли всех. Вначале было слово? Так отвечайте за свои слова. И услышите то, что говорю вам я, Мауссей, словами истины: вначале была мысль. Которая родила Принцип. Который породил Нас.

Я даже могу сказать, в каком колене я Мауссей. Но у нас так не принято. Глупо измерять вечность в поколениях (хотя на всякий случай мы всё считаем и записываем: привычка – вторая натура). Нами всегда правит Мауссей, меняется лишь облик его, Мауссей же вечно жив.

Он представляет Бога на Земле.

Собственно, он и есть Бог.

Что не так?

Так струились мысли Мауссея.

Глава 2. Ковчег

И родил Бог дочь, и нарёк ее Шуламянка.

Разумеется, она попала в «Ковчег» под номером 2.

Третий номер был закреплён, разумеется, за почтенным...

Нет, не угадали. Марк идёт под номером 66.

Под третьим номером в рейтинге «Ковчега» шёл Авраам Прейскурант.

Впрочем, оглашать весь список счастливых пассажиров «Ковчега» не станем: помимо того, что в нём есть не только неизвестные, но весьма влиятельные фигуры (для нас, избранных сотен человек, влиятельные), в списке присутствуют также весьма известные и *как бы влиятельные* (то есть влиятельные для вас, для миллиардов).

Раскрыть первую топ-сотню людей в списке, означало бы приоткрыть завесу над многими секретами мировой истории. Время писать настоящую историю ещё не пришло, ибо начнётся оно с

того момента, когда «Ковчег» благополучно возвратится на Землю. Начнётся новый отсчёт времени. Вечного времени.

Достаточно сказать, что в списке есть две *пятых* графы: чистые и нечистые. Мы попали в графу «Чистые твари», все остальные (да-да, им также нашлось местечко: это к вопросу о нашем гуманизме, мы вовсе не изверги рода человеческого) – в графу «Нечистые твари». Ибо кто такие Нечистые? Это наш ресурс. Но об этом потом.

Разглашать топ-сотню Нечистых Мы также не решимся – не следует, повторим, опережать события и приоткрывать завесу над секретами мировой истории с другой стороны. Скажем лишь, что Нечистые интересовали нас в первую очередь не столько степенью своей известности в широких кругах (их дутая известность – это ведь наших рук дело), сколько своим весомым рейтингом в кругах узких, и даже весьма узких. Иными словами, мы оценивали их с точки зрения качества генетического материала (как *натурпродукт*, способный создавать уже интеллектуальный продукт, *культурпродукт*). А это реальная ценность. Реальный ресурс. Это как почва, или мировой океан, или недра Земли. Умным Чистым людям разбрасываться и пренебрегать умными Нечистыми глупо, ибо Нечистые станут Чистыми. Будут использованы как расходный материал.

Приведу вам пример, так сказать, затрону личный мотивчик. В списке Нечистых попадаются, казалось бы, неожиданные имена. Например, имеется некто Таркос родом из Эрэфии Анатолийской. Сей Таркос неожиданно прославился своим опусом «Зачем нужны умные люди?», чем, собственно, и привлёк внимание Нашей общины.

Меня же он заинтересовал более своей притчей «Матрица». Почему?

Не будучи посвящённым в большие дела нашего узкого круга, Таркос как-то умудрился смоделировать наш взгляд на вещи. О чём это говорит?

Во-первых, Таркос, несомненно, умён.

Во-вторых, появился один – явятся и другие. Иными словами, он нашёл щель, обнаружил изъян в нашей информационной цитадели – таким образом, здесь и сейчас возникла реальная опасность заразить миллиарды этой идеологической чумой. На их языке это называется *открыть глаза на мир*. Начать апокалипсис. Оно нам надо?

Таркос, кстати, был не решающим, но важным аргументом, когда принималось коллективное решение о начале ГБ. Казалось бы, где Таркос и где ГБ. Это вам так кажется. Мы же отлично изучили *эффект бабочки*. Собственно, наши люди руками нечистых и смоделировали этот эффект. Мы спонсоры, они творцы. Результат наш. Как всегда. Не хватало ещё наступить на собственноручно изготовленные грабли – огрести эффект бабочки от Нечистых. Ну уж нет, последними в первых рядах привыкли смеяться мы.

В-третьих, Таркос выдвинул более универсальный, какой-то «вселенский» Принцип, нежели наш, проверенный веками. Можно, конечно, объявить нечистого арийца сумасшедшим и закрыть тему. Но!

Сумасшедшие гении всегда, с незапамятных времён были информационными спонсорами и идейными донорами наших проектов. Более того, наш Принцип – их рук дело, ибо наши священные книги, наши тексты впитали в себя их мудрость.

К чему я это всё?

Надо понять, как использовать его теорию в наших целях. И кто будет нашим помощником в этом архисложном деле? Разумеется, не кто иной, как сам господин Таркос.

Цена вопроса?

Любая.

Так Таркос стал возлюбленным Шуламянки.

Пусть вас это не пугает. Никто не выжил из ума. Это не упущение или недосмотр. Или потеря контроля над ситуацией. Это часть дальновидного замысла. Нашего по содержанию и лично моего по исполнению. Дело в том, что... Как бы точнее донести мысль...

Тут достаточно деликатный момент. Человек не нашей, не Чистой ментальности может превратить всё истолковать. Но это уж как вам будет угодно. Я же не боюсь быть откровенным, ибо пора обветшавшую мораль менять на эффективные поведенческие стратегии. Проще говоря, настало время не стесняться быть чемпионом, потому что умение стать чемпионом – это и есть главный критерий новой морали. До сих пор мы становились чемпионами, прикрываясь ветхими мораль-

ными принципами, чтобы не вызвать гнев всех вас, морально озабоченных. Мы давно стали аморальными (ибо наш Принцип – аморален по сути своей), давно живём по ту сторону добра и зла (в ваших координатах), но необходимость сохранять моральное лицо перед вами, перед количеством, делала нас лицемерами – а значит, морально слабыми, лжецами, едва ли не мелкими жуликами гигантского масштаба.

Вы не боялись быть сами собой – а мы «боялись». И вопрос о нашей непобедимости не стоял в повестке дня.

А сейчас стоит. Поэтому дело не в моей откровенности, а в смене Нашей стратегии. Пора новую мораль делать законом жизни. Пора всем *оставшимся в живых* жить по нашим правилам не только де-факто, но и де-юре.

Шуламянка должна зачать ребёнка от Таркоса. Это её миссия. Но она станет женой своего двоюродного брата (что было решено ещё до рождения дочери Мауссея). Принцип велит: капиталы семьи, Наши капиталы, Наши ресурсы (в самом широком смысле) – это святое. Это основа нашего могущества. Капиталы, нажитые любой ценой, должны любой ценой сохраняться и приумножаться. Нет людей богаче нас. Следовательно, деньги к деньгам, ресурсы к ресурсам. При этом потомство наше должно быть здоровым и умным. Брат с сестрой не могут дать жизнеспособного потомства. Как быть?

Порочный круг получается.

Для *вас* порочный (ой, можно умереть от смеха!). Тут *вы* с вашей моралью загоняете *себя* в тупик круга – из которого *мы* выбираемся легко и *цинично*, с пользой и наслаждением для себя. Вы, генетически здоровые и цепкие, обеспечиваете нам здоровое потомство, становясь при этом нашими рабами. Так понятно?

Браки, слава богу, заключаются не на Небесах; всё решается здесь, на Земле. Нами. Под нашим контролем.

Шуламянка, говорю вам, должна зачать ребёнка от Таркоса (или от какого-нибудь другого нечистого, но здорового телом и духом донора-гения, гиперборейца). Но быть циничным – не значит быть примитивным и грубым. Что вы! На всё есть своя манера. Можно же всё обставить красиво и романтично – именно романтично, уверяю вас! Шуламянка «случайно» познакомилась с Таркосом – не ведая, разумеется, кто он такой и какую роль призван сыграть в нашей жизни, которая в известном смысле есть цепочка ДНК. Встреча двух красивых, великолепных молодых людей – что может быть естественнее и краше. Нет сюжета прекраснее на свете.

Таркос не мог устоять, потому что против наших южных красавиц в соку устоять невозможно. Особенно если они захотят соблазнить. Тому мы тьму примеров знаем. И зачем мешать здоровой страсти? Всё идёт своим чередом.

Афишировать их отношения я не собирался, но держать их в строгой тайне также было излишним. Мы вели себя согласно Принципу – вот что было важно. И это понимали все, кому надо было понимать.

Знала ли о моих мыслях и планах смуглая моя Шуламянка?

Мы с ней об этом не говорили. Но степень нашего цинизма ей хорошо известна. И границы дозволенного она тонко чувствует. Не всё говорится, многое угадывается. На интрижку с Таркосом я с самого начала смотрел более чем снисходительно (что, конечно, было своего рода *знаком*). Однако вопрос потомства и в конечном счёте денег слишком серьёзен, чтобы допустить разночтения.

Мне хватило пятнадцати минут, чтобы отеческим тоном изложить программу её счастливой жизни. В ответ моя милая шалунья Шуламянка поцеловала меня и весело умчалась на горячее свидание.

Вопрос был исчерпан.

Знал ли обо всём этом её брат-жених?

Разумеется, он знал, что женится на *беременной от нечистого* Шуламянке; но и ему до поры до времени никто не запрещал развлекаться в кругу чистых и нечистых девиц, не слишком обременённых моральными ограничениями. К тому же упорно ходили слухи о том, что братец-то гей. Девицы вполне могли быть камуфляжем. Никто и не собирался требовать от брата невозможного. От него требовалось неукоснительное следование догматам Принципа.

Ну, гей и гей, кому какое дело. Мауссей всегда начеку. Всё под контролем. Поводов для беспокойства не было. Я даже рад был за Шуламянку. Её личная жизнь с геєм обещала быть бурной и разнообразной. На здоровье.

А вот волнующего и отчасти непредсказуемого разговора с Таркосом было не избежать. Откровенно говоря, я не просто ждал этого разговора, но и наслаждался ожиданием. Всё-таки следует признать, что некоторая неопределённость входит в состав наслаждения. Не потому ли нас так манит смертельное?

Так струились мысли Мауссея.

Глава 3. Песня песней

Повторим?

Нет сил...

Сосцы твои бесподобны... Нет, не так:

«Две груди твои – как два оленёнка,
как двойня газели, пока не повеет день,
они блуждают меж лилий».

Иди ко мне. «Вся ты, милая, прекрасна,
и нет в тебе изъяна». Иди же...

Ты говоришь, словно царь Давид.

Я чувствую, словно царь Давид.

Нет, ты с Севера, ты чувствуешь иначе.

О! Ты играешь с огнём. Я могу полюбить другого.

Простого пастуха, например.

Во мне есть изъян.

Какой?

Я рыжая.

Люблю рыжих. Ну-ка, покажи...

Глупый. Отстань. Я рыжая-бесстыжая.

Меня это привлекает.

Я стерва.

Обожаю стерв.

Я не та, кто тебе нужен.

Как раз такая мне и нужна.

Ты не понимаешь, Таркос... Я не верю в любовь.

Я отказываюсь верить в то, что ты в это веришь.

Давай повторим...

«Сколько хороши твои ласки». О, да!

Я умею ласкать?

Ты бесподобна.

Разве это не изъян?

«Как ты прекрасна, как приятна,
любовь, дочь наслаждений!

Этот стан твой похож на пальму,

и груди – на гроздь,

Я сказал: заберись на пальму,

возьмись за фиников кисти, –

Да будут груди твои, как гроздь лозы,

как яблоки – твоё дыхание,

И небо твоё – как доброе вино!»

Ещё!

Ещё!

Изгиб твоих бёдер...

Твой живот...

Твой пупок...

Тсссс... Милый!
Милая!
О, этот запечатанный источник, Шуламянка!
Ты распечатал его. Ты был первым. Я тебя обожаю, Северянин.
Разве не значит это, что ты тоже любовью больна?
Я отдам тебе ласки, всю себя отдам, но не любовь. Запомни.
Мне всё равно. Я готов быть с тобой одним целым.
Этого следовало ожидать. Я слышу не слова царя Давида.
Ты, романтик, оказался лёгкой добычей.
Бог мой! Сколь глупы эти умники!
«Положи меня печатью на сердце,
Печатью на руку!
Ибо любовь, как смерть, сильна».
Не играй с огнём!
Будь моей женой!
Нет. Никогда. Не судьба.
Знаешь, что самое поразительное в «Песне песней»?
Что же, душа моя?
В ней всё правда. Только не поймёшь, кто врёт.
Для кого ты бережёшь любовь свою?
Я её не берегу. Я её уже отдала.
Тогда положи меня печатью на руку. Будь моей женой!
Ты неверно толкуешь. Любовь моя принадлежит...
В общем, если бы я отдала любовь тебе,
нас ожидала бы трагедия. Оно нам надо?
Из-за любви ко мне ты выбираешь разлуку?
Можно сказать и так. Но я не выбираю разлуку.
Ты всегда будешь со мной. Во мне.
Что ты хочешь этим сказать?
Ты умный. Тебе не понять.
Повторим?
Нет сил... Не играй с огнём!
Меня бросает то в жар, то в холод.
О, моя рыжая...
Наверное, я тебя всё же люблю.
Любовь, как смерть, сильна?
Боюсь, что да.
Нас ничто не разлучит?
Если ты этого хочешь, Северянин...
Хочу...

Глава 4. Притча о Матрице

Однажды к Учителю пришёл ученик и сказал:

– О Учитель! Вы же в годы зрелой молодости были замечательным писателем. Все мы восхищаемся вашими книгами. Почему же вы, о Учитель, не берёте в руки перо последние двадцать лет? Вы уже сказали о самом главном и вам больше нечего сказать? Почему вы замолчали как писатель?

– Боюсь, я просто не знаю, как сказать о самом главном самое главное.

– Я не верю собственным ушам! Этого просто не может быть! Ведь вы всегда говорите о самом главном и ни о чём другом!

– Да, я всегда говорю о главном. О личности. О разуме. Но это главное становится самым главным только тогда, когда общество готово отнестись к самому главному так, как оно того заслуживает. В противном случае главное не становится самым главным.

- Я вас не понимаю, о-о Учитель.
- Представь себе, что я накопил много золота. Но оно лежит бесполезной грудой холодного металла. Оно не приносит пользы. Добра не становится больше.
- Так отдайте его людям!
- Я даю, они не берут.
- Вы нас учили: если из твоих рук не берут добро, значит, что-то не так с добром.
- А если с добром всё так, а его не берут?
- Разве так бывает?
- Ещё как бывает.
- О-о Учитель... Голова кругом. Я не чувствую в себе крепости мысли... Зачем же мы тогда толкуем о силе истины и добра?
- Слушай меня внимательно. Ничего не упускай. Да, я настроил тебя на волну истины и добра. Теперь ты знаешь, что это самое главное в жизни. Ты ведь готов посвятить себя утверждению самого главного?
- Конечно! Иначе – зачем жить?
- Полностью с тобой согласен. Ты благородный юноша. А теперь представь себе, что твою готовность бороться со злом искусно и коварно используют те, кто выступает против добра и истины. Тебе кажется, что ты сражаешься со злом, а на самом деле именно ты искореняешь добро.
- Вы полагаете, что я не способен отличить добро от зла? Прошу извинить мою дерзость, но я о себе более высокого мнения!
- Отличить добро от зла – это половина дела, и этому мы посвящаем молодость. Эта пора жизни прекрасна, ибо нас воспитывают идеалы. Идеальная пора! Но вот утверждать добро приходится людям взрослым, иногда – в форме зла. Силой принуждения. Важно не путать цель и средства. Умению не превращать средства в цель мы посвящаем зрелость, золотую пору нашей жизни.
- Но ведь есть ещё и мудрость, то есть высшая ступень зрелости, не так ли?
- Мудрость приходит тогда, когда ты понимаешь, что цель недостижима, и в целях выживания позволяешь себе средства превратить в цель, никогда при этом не теряя цели из вида. Ты понимаешь, что всё на свете яд и всё – лекарство. Ты спокойно общаешься со злом, становясь при этом всё чище и совершеннее. Для человека наступает время, когда мощь интеллекта легко укрощается мудростью разума. Против разума коварство интеллекта бессильно. Перед смертью наступает пора бессмертия. Это величественная фаза жизни для человека. Если ты понимаешь, о чём я...
- Понимаю, понимаю. Я не в силах это выразить, но я кое-что понимаю.
- А теперь я скажу самое главное о самом главном. Готов ли ты услышать меня?
- Я весь внимание, о Учитель.
- Гм-гм. Для большинства людей мудрость – пустой звук, зрелость – понятие абстрактное. Всё, что они имеют за душой, накоплено ими в начале молодости. Тем, кто осознаёт разницу между средствами и целью, ничего не стоит вложить в голову «безголовым» любую мотивацию и цель. Человеком можно манипулировать. Можно *разделить его в себе*, чтобы властвовать над ним. И тогда человечество превращается в средство достижения цели людьми неразумными, но интеллектуально весьма искушёнными. И потому – злыми. Там, где интеллект захватил власть в голове человека, там царит зло. Злые люди ставят перед собой несправедные цели и заставляют глупых, но благородных людей достигать их с упорством, достойным лучшего применения. Эти добрые люди манипуляции принимают за мудрость. Ты, способный отличить добро от зла, будешь сражаться на стороне того «добра», которое ведёт к утверждению зла. Если это не модель ада для людей, то что это?
- Но это какая-то мрачная фантазия! Хороших людей больше, чем плохих! Это всем известно!
- Хороших и добрых людей большинство, но именно они творят главное в жизни зло.
- Я не готов принять такую картину мира. Это чертовщина какая-то, прошу прощения. Я не верю в это.
- Вера в добро сегодня представляет собой именно ту волшебную энергию, которой питается зло. Без добрых людей, становящихся инструментом зла, само зло превращается в пустую идею.
- Вы подталкиваете меня к мысли, что какая-то кучка злодеев-вампиров правит миром? Чья-то злая воля. Это же сказка! Не верю! Всё моё существо отказывается в это верить! «Миром правит воля к добру». Это ваши слова.

– Слова мои. В них заключена только часть смысла. Хотя и главная. Надеюсь, сегодня ты готов к тому, чтобы воспринять часть другую. Миром правит воля к добру, направляемая, увы, злой волей. Так вот, если без купюр.

– Учитель, проницательности вашей нет равных, вы всё понимаете, вы семи пядей во лбу, вы видите на семь аршин под человеком, допустим, вы даже правы (но я не верю в это, не верю!). В таком случае кому как не вам изменить полюса нашей жизни? Пусть миром правит воля к добру. И точка.

– Я не Иисус Христос, я не могу изменить мир; я вообще не верю, что мир можно изменить силой веры; я всего лишь один из людей.

– Но если на вашей стороне сила истины, то неверно называть себя одиноким. Вы представляете всё человечество и отвечаете за всё человечество.

– Ты подталкиваешь меня к мысли, что миром должна править какая-то кучка мудрецов, подобных мне? Шайка мудрецов, посредством путча свергнувшая кучку злодеев?

– А почему бы и нет? Если средство превращается в цель, это не означает, что цель исчезла.

– Bravo, сын мой. У тебя неплохие шансы достойно пройти все этапы жизни человека. Но только есть одна заковыка. Кучка злодеев может править миром, а кучка мудрецов – нет. Более того, кучка злодеев всегда будет стремиться к неограниченной власти. Чем меньше кучка – тем прочнее власть. «Кучка мудрецов» – просто глупость, такого не бывает; мудрецы не кучкуются; может быть союз, орден, идейное сообщество, но не кучка. Прочность кучек замешана на крови; прочность союзов вдохновлена идеями добра.

– Но это же чушь! Добро должно быть с кулаками!

– Сила добра в том, что оно не манипулирует сознанием, а пробуждает его.

– В этом не сила добра, а слабость.

– Bravo! Именно слабость – с точки зрения кучки злодеев. Манипуляция всегда будет сильнее просвещения, но просвещение может изменить мир, а манипуляция может его только погубить.

– Что же делать, о Учитель?

– Теперь ты готов увидеть мир сквозь призму, которая на порядок увеличивает сложность мира. Представь себе, что мы живём в некоей Матрице, творении отчасти природном, отчасти рукотворном. Всем обитателям Матрицы кажется, что они думают, хотя на самом деле за них думают другие. Вот мы с тобой вырвались из теней Матрицы, мы стали свободны разумом и волей. Как бы ты поступил с нами на месте кучки злодеев, уверенных в том, что они, воплощая всё лучшее в человеке (то есть распределяя все ресурсы человека таким образом, что они максимально реализуют его теневую сторону), тотально контролируют мир?

– На их месте я бы убил нас, ибо мы для них – высшее воплощение зла. Именно так: я бы рекомендовал им убить нас.

– А теперь я возвращаю тебе твой вопрос: что же делать нам? Мы понимаем, что правы мы, а не они, что людям нужны мы, а не они, хотя люди выбирают их, а не нас. Люди лезут в пасть к чудовищу, но растерзают любого, кто встанет на их пути ради их же блага. Ибо они ведают в жизни только одно наслаждение – лезть в пучину гибели. Их энтузиазм и энергию используют во вред им же. Люди – биомасса, субстанция, производящая энергию. Таково системное устройство Матрицы, Империи зла. И это не плод моей фантазии и не сказка (сказка ложь, хотя в ней и намёк); это грубая и скучная реальность. Что нам делать? В ответе на этот вопрос суть самого главного о самом главном.

– Вы подталкиваете меня к ужасной мысли...

– Какой? Что может быть ужаснее Матрицы, этого концлагеря планетарного масштаба? Ничего. И обрати внимание: ни один сумасшедший не написал стихов во славу Освенцима; а во славу Матрицы – сплошные славословия в массмедиа. Смелее, сын мой. В чём ужас твоей мысли?

– Если я не убью их, следовательно, они непременно убьют меня.

– Убийство кучки злодеев ты предлагаешь сделать целью? Вот так унижить мудрецов?

– А вы предлагаете бездарно сгинуть, пойти на корм этой стае?

– Пойти на корм – хорошо сказано. Мы для них только взбунтовавшийся корм. Расходный материал. Сгинуть – разве это мудро? Мудрости без жала не бывает, ибо мудрость призвана оберегать истину.

– Что же делать?

– Прежде чем задавать этот вопрос, надо осознавать всю его сложность и многомерность. Проблема ведь не в кучке злодеев; проблема в природе Матрицы, в её системности. Устранишь одну

кучку – появится другая шайка шайтанов. Матрицу под силу победить только Империи разума. Воины Матрицы – добрые люди; воины Империи разума – личности, люди разумные. Конечно, личностей не может быть много; однако их явно поболее числом ничтожной кучки злодеев. Дело не в количестве добрых или злых, дело в качестве отношения к людям. Превратить Матрицу в Империю разума – вот цель. Средство – информационный контроль за умами и душами людей. Продукт Матрицы – это ведь не люди; это... информационные огрызки. Инвалиды. Надо вернуть им, всем нам, человеческий облик. Мы находимся на этапе, когда средство надо превращать в цель. Это ответ на вопрос «что делать».

– Хорошо. Допустим. Как превратить Матрицу в Империю добра?

– Прошу прощения, я не говорил об Империи добра; я говорил об Империи разума.

– Да, конечно; прошу прощения. Вы знаете цену словам. Как превратить Матрицу в Империю разума?

– Как превратить Матрицу в Империю разума? Какими должны быть первые шаги? Я всего лишь мудрец, я не социальный мыслитель. Боюсь, этот вопрос не по адресу.

– Кажется, я понял, почему вы перестали писать, о Учитель.

– Надеюсь, я сумел разъяснить тебе то, что мне самому до конца неясно. Возможно, я догадываюсь, как превратить Матрицу в Империю разума, но мне не хватает мужества в этом признаться самому себе.

– О Учитель...

– Да-да, мудрость прирастает мужеством. А ты всё пишешь и пишешь, сын мой?

– Пишу. Превращаюсь из назойливого критика общества в его лакомую мишень.

– Будь осторожен. Матрица не промахивается. По себе знаю.

– Вы мне всё разъяснили. Я всё понял. Только что же мне делать? Я не готов отказаться от мысли бросить творчество; но о чём же мне писать?

– О самом главном, разумеется. Ты же понял, что является самым главным в жизни?

– Понял. Борьба с Матрицей.

– Разве об этом мы с тобой говорили?

– ???

– Прошу прощения, ты меня неправильно понял. Самое главное – стать счастливым. Вопреки всему.

– А как же Матрица?

– Стать счастливым – значит, в личном противостоянии одолеть Матрицу. Победа над Матрицей складывается из маленьких персональных побед. Счастье личности – вот яд для Матрицы.

Глава 5. Чистые и нечистые твари Божьи

Старт «Ковчега» откладывался. Уже не в первый раз.

И вовсе не по техническим причинам, что было бы вполне объяснимо: проект был грандиозным – боги улетали, чтобы вскоре триумфально возвратиться на Землю. Если это не вселенский проект, то что это?

Старт «Ковчега» откладывался потому, что Эрэфия Анатолийская, возомнившая себя Империей, похоже, спутала нам карты. Что-то непредвиденное произошло. Что-то пошло не так. Они как-то обнулили ситуацию. Оказалось, что у нас с ними паритет по возможностям взаимного уничтожения. Улететь-то мы улетим, но по возвращении очень может оказаться, что попадём в их ловушку. Их, похоже, останется больше, чем нас. Неизвестно, чья возьмёт.

Более того, похоже было на то, что проект космический челнок «Ковчег» не мы придумали. Эту простую и гениальную идею нам, похоже, подсунули. Чтобы мы улетели – и не вернулись.

Это сражение в информационной войне мы проиграли.

Вездесущая рука Эрэфии, кого же ещё. Самоубийцы. Идиоты.

Мы думали, что загнали их в угол, распылили их арийские силы, осталось только раскатать этого северного колосса на глиняных ногах. Оказалось, что у колосса ноги не глиняные. Апокалипсис?

Что ж, катастрофы нет, война уже набирает обороты, её не остановить. В запасе всегда есть план Б. Но если и план Б нас не устраивает, если Глобальный Блицкриг отменяется, то...

Дайте нам ещё сотню лет, и мы измотаем любого противника. Любую Империю. Ибо денег-ресурсов у нас на миллиард лет. С гарантией.

Впрочем, пока говорить об этом рано. Даже думать об этом не хочу. Вся наша самая секретная информация каким-то таинственным макаром *утекает* к ним. Будем разбираться.

Глобальная война объявлена. Блиц или не блиц – принципиального значения не имеет. Победа будет за нами, ибо мы добудем её любой ценой. Принцип ведь никто не отменял.

Есть и приятная новость: Шуламянка беременна.

А беременность, как и войну, невозможно приостановить.

Процесс пошёл.

Вот теперь можно и поговорить с Таркосом.

ДЕЙСТВИЕ 1. «Однажды к Учителю пришёл ученик»

Мауссей (*встречает Таркоса цитатой из «Матрицы»*). «Однажды к Учителю пришёл ученик» – не так ли? (*Таркос быстро взглянул на Мауссея – и тот понял, что Таркос знает больше того, чем допускал Мауссей в своих самых смелых фантазиях. Что ж, играть в открытую – не самая слабая сторона Мауссея.*) Да-да, я читал твою «Матрицу». Ты удивлён?

Таркос. Нет, я не удивлён, сэр. В притче же сказано: «Матрица не промахивается». За слова надо отвечать. Я готов, сэр.

Мауссей. Ты пришёл ко мне, чтобы отвечать за слова, *конспиролог*?

Таркос. Прежде всего, я пришёл потому, сэр, что вы меня позвали. Кроме того, я хотел спросить вас, куда пропала Шуламянка. Полагаю, о наших отношениях вам было хорошо известно, сэр.

Мауссей. Ты благороден. Вежлив. Почтителен. Я очень рад, что не ошибся в тебе.

Таркос. Я же из нечистых, сэр, мои личные качества, полагаю, не сильно здесь котируются.

Мауссей. Ну, не скажи, не скажи. В определённом смысле я очень даже в тебе заинтересован. Именно так: ты меня заинтересовал.

Таркос. Вы намекаете на Шуламянку, сэр? У меня самые светлые намерения...

Мауссей. Русые, светлые... О, нет. Оставим пока эту тёмную тему.

Таркос. Конечно, сэр. Как скажете.

Мауссей. Давай пофилософствуем, если ты не против. Я настроен широко посмотреть на вещи. Масштабно. Так сказать, геополитически. Время от времени необходимо воспарить над суетой, не так ли?

Таркос. Конечно, сэр.

Мауссей. Как-то странно это всё: «Матрица», «кучка злодеев», «Империя разума», «информационные отрывки»... История нашего народа и наш Принцип (он же Закон), как я понимаю, для тебя не аргумент. Может, ты просто ненавидишь нас, как многие прочие? А, конспиролог?

Таркос. Что вы, сэр. Я не настолько глуп, чтобы ненавидеть кого-то.

Мауссей. Ответ правильный.

Таркос. Мне подсказал его Спиноза, сэр.

Мауссей. Ответ правильный – но уклончивый. Он не соответствует уровню доверия, который я хочу установить между нами.

Таркос. Мне нечего скрывать, сэр. Я готов отвечать на ваши вопросы под присягой.

Мауссей. Под присягой – это излишне. Я хочу сказать, по форме это перебор; но по сути верно, извини за прямоту. Ты сейчас под присягой.

Таркос. Я ценю вашу искренность, сэр.

Мауссей. А что заставляет тебя быть со мной до конца честным? Где твой мотив?

Таркос. Мне нечего терять, сэр. Кроме того, боюсь, у меня нет выбора.

Мауссей. Это верно. Трезвая оценка ситуации – всегда сильный ход. Ну-с, скажи-ка мне, приятель, как ты оцениваешь наш Главный Принцип. Ты считаешь его уязвимым и несовершенным?

Таркос. Я не оценивал Принцип, сэр; это не моего ума дело; я пытаюсь постичь природу человека.

Мауссей. И ты считаешь, что Принцип не соответствует современным представлениям о природе человека?

Таркос. У меня не было задачи ставить вопрос в такой плоскости. Я...

Мауссей. Ты либо не искушён в информационной войне, либо не ведаешь, что творишь. В последнее мне слабо верится. Вольно или невольно ты поставил под удар наш Закон. У тебя есть редчайший шанс повлиять, так сказать, на ход истории. Да-да, одна беседа в тайной комнате многое может изменить в мире, поверь моему опыту. Перед тобой сидит могущественный человек. Убеди меня в своей правоте. Понимаешь, о чём я? Кстати, ты согласен с тем, что идёт война?

Таркос. Это очевидно.

Мауссей. А кто с кем воюет, просвети меня?

Таркос. Вам виднее, сэр.

Мауссей. Да, мне виднее. Ощущаешь ли ты себя втянутым в войну? Мобилизованным и призванным? Только не ври!

Таркос. Да. Ощущаю.

Мауссей. На чьей стороне ты воюешь?

Таркос. На стороне добра.

Мауссей. Мы давно уже живём по ту сторону добра и зла. Ничего об этом не слышал?

Таркос. Не уверен, сэр, что мы живём по ту сторону. Вы пытаетесь стереть различия, пытаетесь заставить добро служить злу. Я же уверен в том, что добро победит зло.

Мауссей. Итак, чем твой добрый Закон лучше нашего, «злого»?

Таркос. Суть моего учения проста. Видите ли, сэр, всё дело в том, что считать мерой всех вещей.

Мауссей. И что есть мера всех вещей?

Таркос. По-вашему, мера всех вещей – деньги. В широком смысле – сила. Власть. Могущество. Беспринципный Принцип.

Мауссей. Есть иная мера?

Таркос. Есть. Личность – вот мера всех вещей. А мера личности – разум.

Мауссей. Где-то я уже слышал подобное. Добро, человек, истина... Был один такой, из скифов. А может, из арийцев. Со свастикой солярной. Вещал на арамейском. С гиперборейским акцентом. Нам он не понравился. И потому плохо кончил. Ты тоже полагаешь, что способен воскреснуть из мёртвых?

Таркос. Виноват. Я не Иисус Христос. В вопросах веры я не силён. Я смотрю на всё не с религиозной, а с научной точки зрения.

Мауссей. Добро – научная категория?

Таркос. Точно так, сэр.

Мауссей. Но ты веришь в добро?

Таркос. Полагаю, что да, сэр.

Мауссей. А в справедливость веришь?

Таркос. Верю.

Мауссей. А в силу?

Таркос. Я верю в силу добра. И любви.

Мауссей. В основе твоей теории – добро, так? В основе нашего Принципа – зло, верно?

Таркос. Человек – существо информационное. Человек очень развитый, сознательно принимающий любую информацию рано или поздно начинает жить ради добра, истины, счастья. Те, кто пониже по развитию, делают ставку на силу. На цинизм.

Мауссей. Наша вера плоха уже тем, что она вера, правильно я излагаю твои мысли?

Таркос. Нельзя сказать, что она плоха. Она ненаучна, вот и всё.

Мауссей. А твоя вера научна?

Таркос. Пожалуй, можно и так сказать. Да, именно так: наука не мешает моей вере, а укрепляет её. А наука так далеко шагнула вперёд! Представляете себе, что информационная структура личности сходна со структурой Вселенной. Да что там Вселенной – самой истины! Любви. И одновременно сходна со структурой ядра атома.

Мауссей. Атома?

Таркос. Бозона Хиггса.

Мауссей. Бозона?

Таркос. Ровно так, сэр.

Мауссей. Бозона... У русских это называется асимметричный ответ, не так ли?

Таркос. Виноват, сэр, не понял.

Мауссей. Не прикидывайся. Не смогли победить нас верой – копаете со стороны науки. Не существует никакой «доброй» науки. Это всего лишь инструмент в информационной войне, как я и думал. Ничего нового. Для вас Матрица – а для нас царство Божие на Земле. Вам, правдоискателям, плохо, нам хорошо. Мы никогда не поймём друг друга. Мы находимся на «Ковчеге». Это новый Ковчег, проект нового времени. Созданный по последнему слову науки и техники. Но без веры Ковчег не взлетит. Вера – всему голова. И вовсе не деньги нас интересуют, не Золотой телец. Что Телец? Всего лишь инструмент. Мы верим в избранность свою, в Разум Того, Кто нас избрал.

Таркос. Так значит, старт откладывается? Отчего же мы не летим?

Мауссей. Я тебе уже сказал: Вера. Механизм Веры чутко сработал, и старт отложили.

Таркос. Я думал, мы не летим по другой причине.

Мауссей. Огрызаешься?

Таркос. Вовсе нет, сэр. Я думал о технической неисправности как о некоем знаке. Может, Вселенная нас не хочет принять?

Мауссей. Что за страна у вас такая?! Там какой-то суровый философский климат. Просто рай для мыслителей.

Таркос. Да, философов у нас хватает. Поэтому мы излишне наивны.

Мауссей. Я полагаю, что философия начинается с цинизма.

Таркос. У нас иная философская традиция: мы считаем, что там, где начинается цинизм, философия заканчивается.

Мауссей. Ты пришёл ко мне как ученик или как учитель?

Таркос. Я пришёл как гость.

Мауссей. Все мы гости на этой Земле, все мы лишь гости. Ты пришёл как гость, а ведёшь себя как Учитель.

Таркос. Прошу прощения. Я чувствую себя, скорее, подсудимым.

Мауссей. Подсудимый ты или нет, будет зависеть от того, как тебе будет угодно отнестись к моему предложению.

Таркос. Да, конечно... Прошу прощения, можно вопрос?

Мауссей. Спрашивай. Кратко.

Таркос. Где Шуламянка? Что с ней?

Мауссей. Она беременна.

Таркос. И я её, конечно же, больше не увижу?

Мауссей. Ты проницателен. И умён. Бесконечно дипломатичен. Бесстрашен. Наша школа, по сути. Поэтому у меня к тебе предложение. Без лишних слов.

Таркос. Я вас внимательно слушаю.

Мауссей. У нас грандиозные планы. Нам нужно проработать основы Новой морали. Ну, там, подключить Информационно-Энергетическую Матрицу (ИЭМ) как кладёз вселенской мудрости. Ноосферу, что ли. Бозон Хиггса, опять же. Истина как космический продукт. Что-нибудь в таком духе, в духе космических масштабов. Нам нужно научное, ну, на худой конец – наукообразное обоснование Новой морали, морали для всех.

Таркос. Морали, где мера всех вещей деньги? Но такая мораль уже давно существует. И ей особо ничто не угрожает.

Мауссей. Да, такая мораль существует. Только она существует на правах двойной морали, второй, изнаночной морали, морали стыдной и потому скрываемой. Потому и появляются всякие Христосы и Таркосы. Нам нужен один Закон, общий Принцип. Чем не вызов для умного человека?

Таркос. Так я же как раз и говорю о едином, универсальном, общем Законе! Я же именно об этом и говорю.

Мауссей. Именно, именно! Только ты ставишь свой Закон выше нашего! А надо – наоборот. Раз ты обнаружил иной Закон, значит, ты лучше других знаешь цену нашему Закону. Ты видишь его изъяны – так кому, как не тебе, устранить их. Заделать, так сказать, информационные трещины и щели, научным, разумеется, методом. Мы нанимаем тебя как хакера, который усилит концептуальную защиту нашего Принципа. Тебе выпала честь и миссия сделать наш Закон окончательно неуязвимым. Ты справишься. Станешь всемирно известен. Даже имя не надо слишком менять. Вместо Таркоса

станешь Царказй. Отдаёт чем-то царским, тебе не кажется? Несколько восточным. Как говорится, завтра же проснёшься знаменитым. Уж мы об этом позаботимся. Геомаркетинг. Миллиардные тиражи любой твоей *правильной* идее. Женишься на красивой девушке – из чистых, разумеется. И войдёшь в историю как один из величайших мыслителей. Собственно, ты таковым и являешься. Ведь что такое история? Это ложь, с которой все согласны. Прошу прощения: это миф, с которым все согласны. Моего внука ты, конечно, не увидишь; зато своих внуков дождёшься.

Таркос. Я ценю ваше отношение ко мне и особенно ценю ваше эксклюзивное предложение. Правда, ценю. Я отдаю себе отчёт, что от подобных предложений отказываться не принято. Но... По многим причинам я сейчас не готов его принять. Начистоту так начистоту. Надеюсь, вы меня поймёте. Вы предлагаете мне предать себя, мою родину и саму истину, наконец. Вы хотите унижить меня и унижением – раздавить?

Мауссей. Господь Всемогущий! Что за гордыня! Здесь я задаю неудобные вопросы, ибо я разговариваю с позиции силы. Ты побеждён. И можешь рассчитывать только на моё великодушие. У тебя нет выбора.

Таркос. С чего вы взяли, что я побеждён?

Мауссей. Всё, что против нас, побеждено в подлунном мире и в скором времени будет сметено с лица Земли особой геомагнитной бурей, скажем так.

Таркос. Я не считаю себя побеждённым до тех пор, пока при мне достоинство человека. Пессимизм разума, оптимизм воли. Вот мой девиз.

Мауссей. Это девиз аутсайдеров.

Таркос. Не скажите. Аутсайдеры не сражаются за истину, аутсайдеры не способны любить. Вот вы бесстрашно предлагаете мне предать любовь. А ведь она сильна как смерть. И это не я сказал, это слова Соломона. Разве Соломон для вас не авторитет?

Мауссей. Ты неверно толкуешь великий фрагмент Величайшей Книги в истории. О какой любви ты говоришь?

Таркос. О любви к вашей дочери. И о её любви ко мне.

Мауссей. О дочери забудь. Она от тебя отказалась. Она выходит замуж. По чистой любви, извини за каламбур.

Таркос. Я хочу услышать это от неё!

Мауссей. А кто ты такой, чтобы хотеть? Достаточно того, что я предлагаю тебе выгодную сделку, отличную сделку. Сделку тысячелетия. Дважды такие предложения не делаются, ты прав.

Таркос. Сделку так сделку. Что будет, если я откажусь от вашего выгодного во всех отношениях предложения?

Мауссей. А ты сам подумай, что будет. Поставь себя на моё место и включи голову. В случае отказа ты меня сильно разочаруешь. Очень сильно. Я вынужден буду сделать тебе другое предложение. Следи за руками – следи за мыслью, хотел я сказать. Во-первых, сын твой станет врагом твоей родины – в этом можешь не сомневаться. И это ты, именно ты и никто иной делаешь своей родине такой подарок. Да-да, не надо было приближаться к моей дочери. За удовольствие надо платить. За удовольствие бесценное и цена безмерна. Во-вторых, опусы твои будут преданы забвению. От них и следа не останется. Ведь нет же никакой ИЭМ, мы-то с тобой это прекрасно знаем. Наконец, в-третьих, сам ты, скажем так, дьявольски исчезнешь. Испаришься. Тебе будет предложена чашечка кофе. С ядом. Но! Лёгкой смерти не жди. Нашему великодушию также есть предел. Ты умрёшь как предатель своей родины. Как перебежчик. Ты сам попросишь яду! Но не получишь его. Ты станешь молить о смерти. И ты её получишь, конечно. Но сначала сойдёшь с ума. Вот и всё. Перед тобой две судьбы. Выбор за тобой, человеком, я надеюсь, умным.

Таркос. Я не готов ответить прямо сейчас. Дайте мне три дня на размышление.

Мауссей. Почему три?

Таркос. Как положено. Во всех мифах, сказках и антиутопиях принято считать до трёх.

Мауссей. Договорились. Три так три. За это время Шуламянка выйдет замуж, в её положении оттягивать это удовольствие недальновидно. И тебе невесту подобрать успеем. Девушку в соку... Три дня – срок немалый. За это время много чего можно натворить. Историю можно сотворить.

ДЕЙСТВИЕ 2. Сильна как смерть

Шуламянка. Папа, мне надо с тобой поговорить.

Мауссей. Свадьба завтра, если ты об этом.

Шуламянка. Нет, папа, свадьбы не будет.

Мауссей. Что-то случилось?

Шуламянка. Я люблю Таркоса. А любовь, папа, оказалась сильна как смерть. Всё как по писаному.

Мауссей. Какая любовь! Что за чушь ты несёшь, Золото моё!

Шуламянка. Это не чушь, папа. Не играй с огнём.

Мауссей. Ступай с глаз моих куда подальше. Родишь мне внука – вернёмся к разговору. А завтра церемония бракосочетания для узкого круга – и курорт-тюрьма на моём райском острове. Кого ещё отправляют в рай как в заточение? Может, потому все избаловались, что в раю живёте. Золотой телец опять вьелся в душу. О пустыне забыли. Придётся напомнить. Посох при мне.

Шуламянка. Папа!

Мауссей. Не серди меня, Золотая. Я сделал тебе хорошее предложение. Что-то я сегодня щедр как никогда. Видно, стар становлюсь.

Шуламянка. Я если я не соглашусь?

Мауссей. Ты никогда не увидишь моего внука, веточку на могучем нашем древе, плоть от нашей плоти.

Шуламянка. Это ты никогда не увидишь внука! И меня тоже!

Мауссей. Что-о?! Ты готова предать отца, наш древний род из-за каприза?! В своём ли ты уме?!

Шуламянка. Я не собираюсь никого предавать. Никого. Таркоса и своего сына в том числе. Почему я не могу выйти замуж за Таркоса? У нас же денег на тыщу лет вперёд! Мы хозяева островов, тёплых стран и даже континентов! Неужели я, твоя дочь единокровная, не могу позволить себе любовь?

Мауссей. Никто не может позволить себе любовь! Никто! Это непозволительная роскошь – потому что глупость! Позволишь любовь – потеряешь страны с континентами. Ты позволила себе постель с этим голубоглазым, теперь иди и рожай. И воспитай мне Мауссея, внука Мауссея!

Шуламянка. Я хочу видеть Таркоса!

Мауссей. А он тебя видеть не желает.

Шуламянка. Ты лжёшь! Ты как всегда лжёшь!

Мауссей. Опомнись! Как ты смеешь говорить такие слова мне, Мауссею и твоему отцу! Таркос был здесь совсем недавно. Стоял на твоём месте. Только в отличие от тебя он с почтением и благодарностью принял моё предложение.

Шуламянка. Какое предложение?

Мауссей. Через три дня он женится. Да-да, на девушке из чистого и весьма богатого семейства. Вот как он любит тебя! И правильно, между прочим, делает. Я бы на его месте сделал то же самое. И ты на своём месте должна делать то, что должна. Так гласит Принцип. А я его Гарант.

Шуламянка. Пусть мне сам Таркос скажет об этом! Я хочу увидеть Таркоса! Я не могу без него жить! Я не верю, что он способен меня предать!

Мауссей. Что вам здесь, дом свиданий? Его нет для тебя, а тебя нет для него. И по-другому не будет.

Шуламянка. Мауссей Великий тоже был женат на нечистой! Ему можно, а мне – нет?

Мауссей. Не тебе судить о том, чего толком не понимаешь.

Шуламянка. Любовь сильна как смерть! Или любовь – или смерть. Что тут понимать?

Мауссей. Ты решила меня испугать? Смерть так смерть. Разве можно испугать Мауссея, повелителя вечности, смертью, дочь моя неразумная? Давай вернёмся к разговору через три дня.

Шуламянка. Через три дня меня не станет.

Мауссей. Ты решила меня шантажировать?

Шуламянка. Просто ставлю тебя в известность. Три дня без Таркоса я не проживу...

ДЕЙСТВИЕ 3. Просто смерть

Мауссей. Марк! Марк! Что с Таркосом?

Марк. Повелитель Тьмы и Господин Света! Всемогущий Гарант...

Мауссей. Сокращай титулы.

Марк. Господин Света! Он почтеннейше просил вас оказать ему милость. Просил чашечку кофе. Мы ему, конечно, отказали. Приказа не было. Тогда он со смехом попросил цикуты. Со льдом и содовой. Мы дали ему молока. Он выпил. И умер.

Мауссей. Что значит – умер?

Марк. Умер – и всё, Господин Света.

Мауссей. Вы дали ему молока?

Марк. Именно – чистейшего продукта, Господин Света.

Мауссей. Значит, он отказался жить. Ментально победил смерть. Вот наглец. Не надо было молока давать!

Марк. Не было приказа не давать молока... чистого... Господин Света...

Мауссей (после долгого и тяжкого молчания). Что с Шуламянкой моей ненаглядной, что с моей Золотой?

Марк. Господин Света! Золотая... исчезла.

Мауссей. Как это исчезла? Что значит – исчезла?

Марк. Невозможно понять, Господин Света. Говорят, превратилась в морскую пену, Господин Света.

Мауссей. Какую пену?! При чём здесь пена?! Вы в своём уме?! Срочно объявляю Тревожный Сбор ста мудрецов. Именем нашего Принципа. (Озабоченный Марк быстро уходит.)

Мауссей. О Боже Всемогущий! Что я увидел собственными глазами? Что это было: любовь превратилась в новую, изощрённую форму информационной войны? Или просто случилась гибель дочери вместе с её возлюбленным? Это испытание мне – или знамение?

Никому и никогда я этого не говорил, даже себе признаюсь с неохотой, и только в тех случаях, когда на меня накатывает волна сумасшествия. Боже Всемогущий, прости меня, Грешного! Великое сомнение гложет меня.

Я стал сомневаться во всемогуществе Нашего народа. Последнее время мне всё чаще кажется, что не мы управляем процессом, а нас словно щепку швыряет от берега к берегу. Слишком много альянсов, слишком много обязательств – и наша сила растворяется. Пессимизм разума?

Значит, пришло время оптимизма воли. Кажется, настало время Нового Ковчега! Пора стереть накопившуюся грязь и начать всё заново! Пора возродить былое могущество! К дьяволу любовь! Правильно я понимаю или нет? Дай мне знамение! Я ведь всё же Мауссей, внук Мауссея. Где знамение? Морская пена? Это же всего лишь пена, и больше ничего! Это не знамение!

О Боже, дай мне сил не возроптать!

Мне кажется, что я схожу с ума.

Таркос проклятый! Ты исчадь ада!

Так встретимся ж в аду! Во круге первом,

Который начался с Гипербореи,

Со льда и холода. Вот адов климат!

Не пекло, не жара – а только холод!

Напутали всё в Библии, писаки,

И просто поменяли полюса.

«Ковчегу» быть готовым к отправленью!

И Апокалипсису – быть! Ни слова,

Ни слова больше! Будет всё – молчанье.

Безмолвие. Пустыня ледяная.

Так я велю, – Я, Мауссей, терпенью

Которого положенный предел

Настал сегодня ровно в полночь...

...месяца нисана... от сотворенья мира...

...

Фрагмент романа обр... (на самом интересном месте, по нашему мнению и к нашему большому сожалению. – Е.М.).

В тот момент, когда Юрка Мышелóв надёжно укрыл рукопись романа, с неба грянул гром. Апокалипсис, о котором твердили уже все, кому не лень, свершился. И было не разобрать: Главная Страна напала на Эрэфию Анатолийскую или Эрэфия Анатолийская нанесла упреждающий удар по Главной Стране; нельзя было исключать и того, что инопланетный разум решил вмешаться в самый (не)подходящий момент: многие в тот миг видели падающую с Небес Косматую Комету. Впрочем, входящую в атмосферу ракету (интересно, смертоносную ракету *вероломного нападения* или смертоносную ракету *справедливой защиты*?) легко было принять за комету.

Возможно, правды о «том моменте» не суждено узнать никому и никогда.

«Космический Ковчег» возмездие настигло уже в космосе. Причём непонятно было, откуда и чьей рукой направлено возмездие: из космоса или же, напротив, с Земли?

Непонятно также было, молнией был уничтожен корабль или ракетой.

Тёмная история, которая закончилась невыносимо яркой вспышкой – далее Темнота поглотила всё. Похоже, подробностей Тёмной истории тоже никто и никогда не узнает.

Юрка Мышелóв, казалось, совершенно не интересовался результатами Апокалипсиса. Чистые взяли верх или нечистые?

Он себе такой вопрос не задавал.

И вовсе не из прирождённого нелюбопытства. Он давно считал Апокалипсис неизбежным и давно готов был к концу света, который представлялся ему концом Одного Фрагмента Истории и началом Другого. При этом Юрка очень хорошо знал, что он будет делать до последней минуты, включая эту самую последнюю минуту, вплоть до последней секундочки. Юрка просто до конца исполнял свой долг – до последнего сражался со злом на стороне добра: он воспринимал себя как единственного в поле Воина, который отважился заиграть на Дудочке во всю ивановскую, и полчища серых существ, подозрительно напоминающих избранных мышей – хвостик к хвостику, волосок к волоску, – послушно двинулись на него лавиной. А он всё играл и играл – вызывал огонь на себя.

Да, говорят, что перед тем, как заиграть на дудочке, Юрка зачем-то перебросил кожаный футбольный мяч через глиняный дувал.

Отдал пас всем нам.

Завёл он, значит, эти полчища в воду – и сгинул вместе с ними.

А дудочка поплыла по морю в неизвестном направлении. Больше её никто не видел.

Говорят, роман Канта как раз и был той самой Дудочкой. Поди проверь.

P. S. Прекрасная вышла замуж. За И. Краца, который утверждал, что он вёл свой род чуть ли не от самого Протея.

Они жили долго и, по мнению окружающих, счастливо (ведь *долго* и означает *счастливо*, нет?).

И умерли в один день. По случайному совпадению.

Про Апокалипсис, кстати, они ничего не слышали (или слышать не хотели?). Армагеддон у них в доме было словом запрещённым.

И что такое любовь они не знали.

Просто жили-были. То есть были, потому что жили.

И всё.

23–28.04.2017 г.